

Волчий хлеб

Андрей Зимний

В соседней избе до надрыва ревел младенец. Лес, вторя его крику, тянул неумолчную злую песню. Шелест листьев становился то человеческими голосами, то звоном колокольчиков. В такие ночи, когда бушевал Вой-Ветер, никто не спал. Малые детки рыдали как один, предчувствуя беду. Сколько Рута себя помнила, деревенские всегда после таких ночей недосчитывались цыплёнка, а то и телёнка. Да и ребятишек после захода солнца не пускали не то что во двор, а даже к окнам.

Когда Рута была маленькой, больше всего боялась ночей Вой-Ветра. Прячала голову под подушкой и уши ладошками закрывала. Сама мысль о том, чтобы выглянуть из дому, заставляла её сжиматься под одеялом в дрожащий комочек и обливаться семью потами.

Вспомнив прежние страхи, Рута села в кровати, отёрнула занавеску и прижалась лбом к стеклу, вглядываясь в темень. Теперь-то жить попроще стало. Главное что? Ни грибов, ни ягод лесных не есть, деревья рубить лишь те, к которым тропы сами выводили, печи топить только сушняком и валежником, дичи не бить, в лесу не сквернословить. Если лес не злит, то и вовсе ничего плохого не случится.

Точно в насмешку над Рутиными мыслями, у калитки промелькнуло белое. «Да прошёл просто кто-то», — успокоила она себя. В следующее мгновение в окошко постучали.

— Дай хлебушка! — раздался с улицы голосок. Рута так и похолодела. Лет пять назад, когда умерла бабка, девушке снился раз за разом сон про то, как покойница сидит с ней за одним столом на поминках и жалуется, что на угощение поскупились. Ровно таким же голоском жалуется, писклявым, будто кто-то по стеклу ногтями провёл. — Деточкам хлебушка дай! — заплакали снаружи, а потом в окошке показалась голова, белая, беззубая. — Мне только хлебушка, я сразу и уйду.

Чудище исчезло. Рута хотела было кликнуть отца, но голос от испуга пропал. А в голове всё звенело: «Хлебушка, хлебушка». Делать нечего, как бы страшно ни было, а если кто из леса просит, лучше не отказывать.

Рута тихо пробралась на кухню, взяла хлебец и вышла во двор. Положила хлеб на поленницу и убежала домой. Тут бы ей, как в детстве, накрыть голову подушкой и уснуть, но вечно ведь любопытство сильнее и страха, и благоразумия. Рута приподняла уголок занавески, принялась ждать. Не успела луна и на чуточку сдвинуться с места, как рядом с поленницей появилась беззубая голова, обернулась белой лисицей. Встала на задние лапы, передними сжала хлебец и шмыгнула за поленницу.

Рута так и просидела до рассвета, пока не сморила беспокойная дрёма. Но и той не дали насладиться: казалось, только закрыла глаза, а уже отец в полный голос зовёт со двора. Тревожно так зовёт.

ФАНТАСТИКА

Потирая глаза, в которые точно песка насыпали, Рута вышла во двор вместе с матерью. Они дружно ахнули: рядом с отцовскими сапогами возились два волчонка. Неуклюжие, большелапые. Шерсть сваялась в грязные сосульки.

— Папа, папочка, можно мы их оставим? — взмолилась Рута.

Как только волчата услышали её голос, тут же сели, навострили уши и уставились на девушку. Будто удивились, что их ещё и не оставить могут.

Говорили, если кто убьёт зверя из леса, кровь на руках до смерти не отмоешь, хоть до кости будет тереть. А потому прилюдных волчат не посмели обижать. Только и в лес таких малышей вернуть — то же самое убийство. Решили пока оставить в сарае, а потом вдруг лес сам и заберёт? В углу постелили солому, в глиняную миску налили молока, а рядом бросили старое шерстяное платье, чтобы подкидыши не околели.

Целый день волчата проспали, прижавшись друг к другу, точно в материнской утробе, а как только ночь залепила чернотой щели между досок сарая, сразу проснулись. Крепкий широкогрудый щенок обернулся вокруг себя и стал синеглазым мальчишкой. Самым обыкновенным — две руки, две ноги. Его тощий братишка тоже крутнулся и уселся на солому в человеческом обличье.

— Это ведь точно та самая девочка, Арен? — сверкая зелёными глазами-светлячками, спросил он.

— А то! — отозвался крепыш. — Не зря же нас сюда дядюшка Оро привёл.

— Да... И пахла она точно так, как хлебушек, что мы съели.

Им обоим, единственным, кто выжил из помёта убитой Вой-Ветром волчицы, досталось только по половинке хлебца — человеческой еды. Поэтому каждый из братьев стал человеком только наполовину и останется таким навсегда. Если только...

— Давай поклянёмся, Иль, — предложил вдруг Арен и крепко сжал запястье брата, — что до конца жизни такими Руте не покажемся?! Будем её волчатами, она никогда не узнает нас людьми.

— И ни за что не разлучимся, — закончил за него брат, накрывая руку Арена своей.

— Да. И ни за что не разлучимся. Клянусь.

— Клянусь.

Волчата росли быстро. Ели мясо за четверых, а резвились и вовсе за целую стаю. От Руты не отходили с утра до самой ночи. Она на ручей бельё полоскать — и волчата бегут рядом, она в хлев коровам воды подать — а братцы уже встречаются в дверях. Худенький вечно вертелся под ногами: то за подол ухватит, то полотенце утащит из-под

руки. Успокаивался, только когда его по спине погладят или за ушами почешут. А крепыш вёл себя степенно, никогда не мешал, сам не приставал. Но когда Рута между делом находила минутку приласкать волчонка, радовался.

Мать заводила разговоры, что за год подкидыши выросли, пора посадить на цепь. Рута упрямо мотала головой — это ж не собаки, а волки. Да ещё и лесом подаренные!

Соседи косо поглядывали на Руту, то и дело вслед неслись неодобрительные шепотки. В полный голос заговорила только баба Лина, настолько старенькая, что уже не помнила о том, что сплетничать нужно потихоньку, за спиной.

— До седых волос проходит волчьей невестой, — проворчала она, когда Рута несла к колодцу пустые вёдра. — Замуж пора, с детьми нянчиться, а у тебя и вместо мужа волки, и вместо сыновей волки. Ни один парень ведь в твою сторону не посмотрит.

— Я того парня и знать не знаю, — ответила Рута, — а вот в волках души не чаю.

— Каждой любви своё место. У тебя на мужнину-то любовь места не остаётся. Послушайся, девонька, посади волков на цепь да посмотри на людей. Сегодня Ночь Костров, кого тебе духи выберут? Волка побольше или волка поменьше?

— А я с одним танцевать пойду, а второй нам на ложках играть будет, — засмеялась Рута, но старуха даже не улыбнулась. А чего от неё ждать? Никто не помнил смурную бабу Лину иной.

Рута побежала к колодцу. И пока набирала воды, пока несла её домой, всё думала и думала про слова ворчливой бабки. А когда пришла, отыскала два ошейника в кладовке и попросила отца приладить пару цепей к стене овчарни.

К вечеру Рута по-праздничному распустила волосы, надела алый сарафан, расшитый лазурными васильками, вплела в кудри синие ленты. А когда вышла во двор, отец уже прикрепил цепи к скобам.

Руте не пришлось даже звать волков: оба поджидали у крыльца и, увидав её, вскочили, потешно склонили головы в разные стороны, тарашась на невиданный наряд. Тошечный, как всегда, подбежал первым, Рута потрепала его по жёсткой холке.

— Ну ты и вытянулся, разбойник, — сказала она ласково.

Волки потрусил за Руту к овечьему загону. Там они переглянулись, не понимая, чего от них хотят. Рута присела на корточки, заглянула каждому в глаза, не по-звериному умные.

— Уходите, — тяжело уронила она. — Иначе я посажу вас на цепь. И никуда вы не сможете бегать, понимаете? Понимаете вы, дураки мои любимые?

Волки по-прежнему стояли и смотрели на неё.

— Бегите отсюда, — шепнула Рута, а потом резко распрямилась, топнула ногой. — Бегите! Кыш!

Ни один не шелохнулся. Крепыш даже шею сам подставил.

— Что же вы за волки такие? — грустно улыбнулась она и застегнула ошейник.

Когда вся семья ушла на праздник, волки приняли человеческий облик. Первым обернулся Арен. За один людской год он стал широкоплечим юношей и даже сидя был на целую голову выше конуры. Следом превратился брат — этого сколько ни корми, а как был тощим, точно жердь, так и остался.

— Слышишь, песни поют? — заговорил Арен, глядя на зарево костров, пляшущее вдалеке над деревенской площадью.

— А пойдём и мы? — предложил Иль, ловко стаскивая ошейник.

— А пойдём!

Обычно братья по ночам гуляли в лесу — на пустых деревенских улицах быстро бы чужаков заприметили. Другое дело — сегодня! Вся деревня высыпала на площадь. Как на такое не посмотреть? А уж двум парням затеряться в весёлой хмельной толпе легче лёгкого. Чем ближе подходили Иль и Арен, тем жарче, тем светлее становилось. Будто в деревне разгорелся прожорливый пожар. Только вместо страшных криков — смех и бойкие песни, а люди носятся не с вёдрами, а с цветами и лентами: распалаят веселье.

— А что, если она нас увидит? — вдруг спросил Арен, но Иль знай улыбался смешливым девущкам в венках.

— Разве ж она поймёт, что это мы?

— Мы поклялись, — напомнил ему Арен.

— Что она нас людьми не узнает. Так и не узнает ведь!

И правда, в Ночь Костров самих лесных духов приглашают погреться у огня. Так почему бы сегодня не появиться двум чужакам да не поплясать вместе с людьми? Только на душе у Арена всё равно было беспокойно. Ведь если Руте приглянется один, то для второго это обернётся бедой.

Деревенскую площадь братья едва узнали. Точно дурнушка надела нарядный сарафан, подкрасила свёклой щёки и стала вдруг прехорошенькой. От дома до дома, от дерева до дерева, подобно рукам неразлучных влюблённых, тянулись цветочные гирлянды, в кронах, как в девичьих косах, пестрели цветные ленты. И повсюду, куда ни глянь, полыхали весёлые костры. Манили пылающими ладонями, пели треском поленьев, вместе с деревенскими зазывая духов разделить людской праздник.

Иль и Арен только и делали, что глазели по сторонам. Девушки в нарядных сарафанах, детишки в разрисованных берестяных масках, получившие дозволение хоть в одну ночь безнаказанно шалить, и звуки разудалой музыки казались братьям самым настоящим волшебством. К Арену вдруг подбежала ряженая девочка и шлёпнула его по льянной рубаше пятернёй, перемазанной синей краской.

— Эй! — возмутился он, поймав запястье маленькой хулиганки.

— Я — дух, — серьёзно сказала она, — мне можно.

Арен улыбнулся и наклонился к девочке:

— Ах, вот как... Что-то тебя не помню, а я всех духов по именам знаю.

— Врёшь, — обиделась малышка.

— Ничуть. Вот слушай: дядюшка Оро, Безголовый Ю, Белая Инн...

Иль толкнул брата в бок, но тот только отмахнулся. Что эти имена для девочки?

— Пойдём! — девочка вдруг решительно подхватила Арена под локоть и потащила за собой.

Он хотел было воспротивиться, но тут к Илью подбежала тоненькая девушка в белом сарафане и, смеясь, закружила-затанцевала. Вот она, Инн, вечная невеста. Тоже пришла на праздник посмотреть. Решив, что теперь брат один скучать не останется, Арен позволил маленькому духу увлечь себя на другую сторону площади.

Толпа будто пыталась всю дорогу их разлучить: то пробегут мимо, толкаясь локтями, ребятишки, то шатнётся прямо на Арена пьяный от вина и смеха крестьянин, то осмелевшая девица попытается отобрать видного парня у маленькой проводницы, но девочка держала крепко. Наконец малышка остановилась и заявила:

— Вот, нашла! Сейчас я вас свяжу.

Только теперь Арен увидел девушку, к которой потянулась ручонка его маленькой спутницы. Пока малышка деловито соединяла их руки и связывала запястья голубой ленточкой, Арен во все глаза смотрел в лицо девичье лицо. Такое знакомое. Отблески костра разожгли на её щеках и лбу россыпи веснушек, мягкие губы несмело улыбались.

Рута.

— А я тебя видел, — сказал Арен, когда понял, что желанная, но запретная встреча уже всё равно свершилась.

— А вот я тебя — нет, — Рута хитро прищурилась. — Только не говори, что пришёл из леса.

— Почему же? Раз ты меня никогда не видела, откуда мне ещё быть?

Девочка-дух, жутко довольная проделкой, закончила вязать хитроумный узелок и убежала к остальным ребятишкам.

— Кем бы ты ни был, синеглазый, придётся с тобой танцевать.

— Я Арен, — назвал он и, подняв их связанные руки, спросил: — А это зачем? Не больно-то удобно так танцевать.

— Ага, значит, ты будешь и дальше притворяться несведущим гостем из леса? — Рута неуверенно хихикнула и потянула его в круг света от костра. — Как пожелаешь. Ленточка — это обязательство на один танец. Если понравится, можно ходить связанными хоть до рассвета. А если распутим узелок, шаловливые духи найдут нам новых спутников на вечер.

— Вот как, значит... обязательство.

Арен положил свободную руку девушке на талию, а связанную вытянул вбок — точно так, как только что подглядел у соседней пары. Где ж волку уметь танцевать? Хорошо, что кругом все пляшут.

Щёлканье поленьев в костре заглушили трещотки. Их задиристые голоса поддержала гармонь, а за ней последовали гусли. Бойкая музыка никому из танцующих не давала зевать, крикливо диктовала ритм, только успевай кружиться. Арен и старался. Плясал, чтобы Рута в самом деле не сочла его лесным дикарём. И ничего, вроде получалось. Чего там сложного? Знай, вертись под музыку да смейся вместе с легконогой Рутой. Даже ленточка, казалось, не мешает, не сковывает, а только помогает двигаться в такт.

Когда танец закончился, Рута разочарованно покачала головой:

— Вот и всё. Можем освободиться.

— Нет уж, — ответил Арен и взял её за руку. — Ты же сказала: если понравится, можно до рассвета ходить. Или танец был тебе не мил?

— Кто же ты такой, синеглазый Арен? — Рута погладила узелок ленточки, точно примерялась, чтобы развязать его.

— А что, на лесного не похож? — ухмыльнулся он. — Ты не спрашивай, Рута, всё равно меня больше не увидишь. Но до рассвета буду с тобой, если захочешь.

— И имя моё знаешь! — смех Руты прозвучал так, будто жемчужины рассыпали по серебряному блюду. — Ладно, не хочешь — не говори. Но если до рассвета вместе проходим, увижу тебя ещё, да не раз.

Арен лишь улыбнулся краешком губ. Он-то знал, что изо дня в день будет смотреть на Руту, а она — на него. Смотреть, но не видеть. Только и осталось, что веселиться с ней на деревенском празднике: танцевать, смеяться, случайно обнять, защищая от шатающихся разгульных мужиков. И только перед самым рассветом Арен спохва-

ФАНТАСТИКА

тился, поспешил Руту до дома проводить. Та доверчиво прижалась к нему, ни дать ни взять птичка в поисках тепла.

Арен шёл, радуясь, что может вот так держать её за руку, но чем ближе они подходили к дому, тем больше думал про Иля и клятву. Получается, он обманул брата? Хоть Иль и говорил, что Рута ни за что не узнает в чужих юношах своих волков и случайная встреча не считается, всё равно выходило нечестно, неправильно.

Какие у неё руки тёплые...

Они подошли уже к самой калитке, и Арен потянулся к ленточке, не дававшей ему уйти просто так. Девочка-дух очень уж постаралась, завязывая узелок — теперь разом и не распустишь.

— Поцелуй меня, — попросил Арен, зная, что всё равно больше не стоять им вот так. Щёки Руты залила краска. Она ловко подцепила ногтем ленточку, развязала узел.

— Поспи, отдохни, как следует. А завтра приходи.

Рута открыла калитку и бегом побежала домой. Даже не оглянулась на прощание.

Иль хоть и находился ещё в человеческом обличье, но уселся у конуры, точно брошенный хозяевами пёс.

— Вот, значит, как ты держишь клятву? Стоило нам различиться, сразу обо всём забыл? Может, теперь и человеком захочешь стать? А что, ты только её попроси...

Арен не отвечал, только смотрел так, будто вместо слов сыпались незаслуженные удары. Заслонишься — признаешь вину. Иля же это разозлило пуще прежнего. Лучше бы оправдывался, прощения просил. Да хоть бы и с кулаками кинулся! Надавали бы друг другу тумачков и успокоились бы. Так нет же.

— А знаешь что? — задиристо бросил он. — Если тебе на нашу клятву плевать, то и мне тоже! — Иль немедленно бы отправился к Руте, да только ночь уже потушила праздничные костры и сбежала, забрав с собой человеческий облик братьев.

Ещё никогда день не казался Илью таким длинным. На солнце будто бы наложила своё заклятье Путаница, и оно теперь блуждало по небу, не зная, как ему перейти с одного края на другой. С Ареном они даже не смотрели друг на друга. И Рута весь день к ним не подходила — едва проснулась, всё кого-то ждала, сидя на крыльце с рукоделием. Только к вечеру рассеянно приласкала волков и ушла в дом.

Иль дождался, пока каждое окошко станет чёрным, точно дупло, и прямо как был волком, так и побежал к Руте. Оказавшись под её окном, поднялся на задние лапы, а передними поскрёб деревянную раму и тихо заскулил. Рута выбежала во двор — босая, в сорочке, только накинула на плечи шаль.

— Тише, всех перебудишь, — ласково прошептала, потрепала волка по загривку. — А ошейник как снял, разбойник?! Смотри, чтобы отец не прознал.

Иль крутнулся на месте, шерсть на загривке взметнулась и истаяла. Поднялся на ноги юношей:

— Не узнает! — бойко ответил Иль, а Рута в ответ даже слова не могла вымолвить, так перепугалась. — Ну, что ты? Я тебя и волком не кусал, и теперь не укушу.

Рута помотала головой, попятилась.

— Волк мой где? — спросила слабым голосом.

— Я твой волк. Не узнаёшь?

Иль придвинулся к ней, заслонив собой и тёмный двор, и ночное небо, с которого сегодня будто все звёзды украли.

— Не верю. Зачем обманываешь?

Иль усмехнулся:

— Значит, когда я волк, ты гладишь, дураком любимым зовёшь, а теперь и слова приветливого не скажешь?

Рута ахнула. Дотронулась до щеки Иля — тот не рассылпался, не истаял туманом. Глубоко вздохнула и, осмелев, необидно толкнула в грудь: мол, раз уж человеком обернулся, так отойди, веди себя прилично.

— Худенький, почему ты только сейчас признаёшься?

— Худенький... — Иль заулыбался и отступил на шаг. — А у меня ведь и имя есть — Иль. Будешь меня теперь так называть?

— Теперь — буду, — Рута улыбнулась было, но тут же опять нахмурилась. — Ты всё это время был не простым волком? Иль, это ведь нехорошо. Я же с тобой, как со щенком...

Вспомнив что-то, Рута покраснела. Иль же на мгновение отвёл глаза, растеряв всё веселье. Что же это получается? Арен ей ничего не рассказал? Стало совестно за обидные слова, брошенные брату, но ведь как он её обхаживал!

— За то, как ты себя с нами вела, — ласково сказал Иль, — я так тебя и люблю. Но мы с братом не можем обернуться людьми днём, поэтому ты нас и не видела.

— Почему же ты один? С братом беда стряслась? Ты только скажи, как помочь!

— Ничего с ним не стряслось, в конуре сидит. Только он уже вчера на тебя насмотрелся, хватит с него, — шутиливо сказал Иль.

Но Рута не улыбнулась. Да и Илю стало невесело — придётся с братом потолковать... А кому нравится извиняться? И всё же, попрощавшись с Рутой, Иль невольно улыбнулся — всё же до чего хорошо быть человеком!

Когда луна во всей красе поднялась с колючей постели сосновых крон, Рута вышла за калитку на встречу с братьями. Она дрожала то ли из-за холодной ночной росы, намочившей низ подола и пробравшейся в башмачки, то ли из-за волнения. Закуталась в платок поплотнее — не помогло.

Иль появился из-за овчарни и, как завидел Руту, весело замахал. Арен же брёл будто нехотя и, остановившись перед ней, даже не поднял глаз. Хоть и злилась на него Рута, что обманул, но такой у него был вид — сразу всё простила.

— Что, стыдно тебе, синеглазый? — с доброй усмешкой спросила она.

— Сказал же, что из леса, а ты не верила, — виновато улыбнулся Арен.

— Да пошли уже! — Иль положил ладонь Руты на сгиб своего локтя и потащил её к лесу. — Ночью там не то, что днём! Такие чудеса увидишь, если не побоишься!

— Побоюсь, — честно сказала Рута. — С людьми там по ночам плохое случается.

— Так мы же с тобой! А если ты с нами — ничего не случится. Пойдём!

Арен, стоявший по другую сторону от неё, серьёзно кивнул.

Рута шла, и нога заплеталась за ногу. Послушать песню леса изнутри, посмотреть на него, не пугливо, из-за оконного стекла, а стоя на тропе, в самом сердце, рядом с чудесами, пугающими и прекрасными... В том, что меж деревьев пряталось и прекрасное, Рута не сомневалась. Её волки были тому вернейшим подтверждением.

— Перед тем, как вы появились, ко мне приходила страшная голова: беззубая такая, как будто её от старика отрезали. Ох и нагнала она страха! Сложно после такого не бояться леса.

— Это дядюшка Оро, — ответил Арен. — Вот уж кого точно пугаться не стоит.

— А знаешь, почему он беззубый? — вставил Иль, прижимая локоть, а вместе с ним и руку Руты, к себе. — Потому что он добрый! И говорит всем: «Зачем мне зубы? Я никого и никогда кусать не буду». Вот такой вот наш дядюшка Оро.

За разговором Рута и не заметила, как они оказались у лесной опушки. Никогда ещё песня, блуждающая меж сосновых иголок, не звучала так близко. Рута замерла — сложно переступить порог запретного.

— Ну что ты? Давай! — подбодрил её Иль, и сам первым шагнул за черту, где начинался лес. Арен обнял Руту за плечи: — Если не хочешь, мы прямо сейчас вернёмся.

— Нет, нет. Хочу посмотреть, откуда мои волки.

Рута нырнула под сень сосен. Её будто с головой окунули в воду и заставили её дышать — и вода не убила, но оказалась в сотню раз прекраснее воздуха. Всё здесь было иным. Сосны, днём чинно стоявшие на своих местах, медленно плыли по мягкому сине-зелёному мху. От коры исходило тёплое янтарное сияние, трава источала нефритовый свет, и в ней кое-где вспыхивали рубины, днём притворявшиеся спелой земляникой. Каждая травинка от прикосновения ветерка издавала слабый серебристый перезвон, изменчивый, как туман.

— Здесь всё как в сказке, — прошептала Рута.

Эхо её голоса многократно повторилось, с каждым разом отдаваясь, а потом обернулось золотистым оленёнком и убежало.

— Только не отходи от нас, — предупредил Арен, и они с братом на всякий случай взяли её за руки.

— Здесь всё живое? — спросила Рута. На этот раз слова падали в бурую хвою крупными каплями, и на их месте вырастали подснежники.

— Вот именно, — ответил Иль, помогая перепрыгнуть через корягу, которая тут же недовольно забормотала. — Поэтому лес и не жалует людей, смотрит, чтобы лишнего не трогали. Только что-то он не очень уследил, когда Вой-Ветер разгулялся и убил наших братишек и волчицу-мать.

— С Вой-Ветром никто не может совладать, даже лес, — шикнул Арен на брата, но тот только передёрнул плечами.

— А почему вы оказались именно у меня?

— Потому что ты добрая, — сказал Иль.

— Дядюшка Оро по всей деревне ходил, прося хлеба, чтобы мы не умерли, но никто не помог, — Арен сильно сжал ладонь Руты. — Только ты.

По правую руку разлилось лазурное сияние, похожее на лоскут, вырезанный из середины июньского неба. Зажурчала вода. Рута прошла ещё немного и увидела ручей. Бережок был не топким, поросшим нежной мшанкой. Рута заглянула в воду. Под беспокойной переменной поверхностью, у самого дна, стояло её отражение, а по бокам вместо парней — два волка.

— Вода не солжёт, — хмыкнул Иль. — Она не принадлежит ни лесу, ни людям: течёт сама по себе. Если встанешь

в ручей — тебя ни один лесной не тронет, вода духов всей силы лишает. Так что лучше пойдём отсюда, вдруг ты от нас сбежать решишь. — Иль засмеялся и потянул Руту за собой обратно в чашу.

Стоило ей шагнуть за весёлым провожатым, как лес изменился. На светящихся ветвях повисли клочья темноты, они сплетались, становясь порой сплошным полотном. Из-за чёрных занавесей кто-то выглядывал, шептал разными голосами. Рута обернулась и увидела, что её следы темнеют, становятся глубокими ямками, в них натекает грязная вода. Из-за сосны выглянула бесформенная фигура и проскрипела:

— Арен, Иль, кто это?

— Съём тебя! — рыкнул невидимый дух, таившийся в кустах малины.

На тропу выбежал золотистый оленёнок, а верхом на нём сидел филин с заячьими ушами.

— Вкусно пахнет, — филин захохотал, заухал, — точно съём!

— Себя съешь, — бросил ему Иль, а Арен заслонил Руту.

— Зачем привёл, если есть нельзя?

— На свидание, — хитро прищурился Иль. — Понял? Вот и иди, куда шёл, нечего тут подглядывать.

— Ты не бойся их, — зашептал через плечо Арен, — они только говорят зло, а сами больше от скуки пристают. Как в деревне, знаешь, когда старые бабки в окна за молодыми подглядывают, а потом судачат.

Филин взлетел, шумно хлопая крыльями, уселся на ветку и заухал:

— Волки влюбились, женихи невесту на смотрины привели!

Рядом с Илем появилась тоненькая девушка в белом сарафане и притворно надула губки:

— Вот ведь кобель! Я-то думала, ты только меня любишь!

Из-под древесных корней раздались хохотки, такие заразительные, что Рута и сама не выдержала, приснула. И тут же всё смолкло, даже серебристый звон хвоинок прекратился. В наступившей тишине разлился молодой женский смех. Слушаешь такой и веришь, что хозяйка — настоящая красавица. Но братья почему-то насторожились и спешно повели Руту прочь. Никто из любопытных духов больше не преграждал дорогу, не пугал из тени сосновых веток, только иногда высунется из-под шляпки мухомора чей-то острый нос или две чернички на кусте моргнуть, будто глаза. А смех красавицы так и бежал, и бежал за ними по лесу. То стихал, становясь не громче удара капельки о листок, то звенел почти над самым ухом.

Рута поначалу беспокоилась, а потом перестала замечать. Когда за деревьями заматались серебристые отсветы, она и вовсе обо всём позабыла. Через пару шагов перед ней предстало такое чудо, которое разве что присниться может: посреди лесной поляны лежало озеро, только вместо воды в нём плескался лунный свет. Стройный месяц висел над поляной, и с него стекало тягучее сверкающее серебро. Оно пахло дикой мятой и казалось гуще мёда.

— Глазам не верю, — выдохнула Рута.

— Посидим здесь? — предложил Иль.

— Конечно! — воскликнула она и подошла к лунному озеру. — Его можно потрогать?

— Можно, если хочешь попасть на луну, — совершенно серьёзно ответил Иль, а когда Рута испуганно отшагнула, засмеялся. — Пошутит я, трогай, сколько пожелаешь. Только я рядом постою, чтобы вдруг не упала.

ФАНТАСТИКА

— Не зря я всегда говорила, что ты разбойник. — Рута улыбнулась, взяла Иля за руку и потянула за собой на траву. Арен молча устроился рядом. Рута положила ладонь на серебристую гладь, та оказалась упругой и прохладной. По поверхности пошли пошлые круги, всколыхнувшие всё озеро. Иль был смелее — сунул руку в лунный свет по локоть. Обратно вытащил уже с добычей — большеглазой полупрозрачной рыбёшкой. Рыбка разинула рот раз, другой, а потом обиженно пробасила:

— Волчонок, я же спал! Ни стыда у тебя, ни совести!

Рыбка ловко вывернулась и плюхнулась обратно в озеро, обдав Иля и Руту веером сверкающих брызг. Рута рассмеялась, но Арен вдруг зажал ей рот ладонью и сердито глянул на брата.

— Ведёшь себя глупо, — он вдруг резко поднялся и ушёл с полянки.

— Я что-то не так сделала? — спросила Рута.

— Все нет, — беспечно отозвался Иль. — Ревнует, поди.

— Тебе бы всё шутки шутить.

Иль повернулся к Руте, и на его лице не осталось и следа весёлости. Зелёные глаза смотрели неожиданно тепло и внимательно.

— Иногда мне не хочется шутить. Сейчас вот совсем не хочется.

Рута почувствовала, что ей стало ужасно неловко. Всё время шаловливый Иль казался кем-то вроде младшего братишки. А теперь так сказал, так посмотрел, что аж жарко стало. Встать бы, уйти. Или одёрнуть его. Но она спросила:

— А чего хочется?

— Я покажу.

Иль приблизился осторожно, но решительно. Обнял за талию, притягивая к себе, и поцеловал в губы. Рута хотела было оттолкнуть, но лишь положила ладони ему на плечи. От первого поцелуя в жизни почувствовала себя пьяной. Каким же он оказался нежным...

Когда их губы разомкнулись, Иль не отстранился, а заглянул Руте в глаза.

— Это ведь ничего, что я волк?

— Мне всё равно.

Иль прижался лбом к её лбу и обнял крепче. Так они и сидели, пока позади не зашуршала трава. Возвращался Арен.

Не слишком спеша, Иль убрал руку с талии Руты и обернулся к брату. Тот, если и оскорбился из-за открывшегося глазам, вида не подал. А когда подошёл к берегу, Рута заметила в его руках покинутое гнездо пёночки. Травинки и веточки до того ссохлись, что оставалось лишь подивиться, как этот хрупкий шарик ещё не рассыпался.

— Нельзя ей здесь смеяться, — сказал Арен, с упреком глядя на Иля. — Слышал же, что по лесу ходит смех. А где смех, там и Безголосый Ю.

— Я не дал бы ему украсть смех у Руты, — возмущённо ответил брат.

— Так бы он тебя и спросил.

— И что, сам-то куда ходил? — Илья уставился на гнездо, будто в нём и сидел ответ.

— Забрал ворованный смех, который его по лесу водит, — сказал Арен и пояснил для Руты: — Безголовый Ю ещё и глухой. Ничего не слышит кроме человеческого смеха, а потому, если кто из деревенских в лесу веселится, на звук приходит и крадёт его. Слышала, как девушка в чаще заливалась? Это Ю ворованный смех выпустил. Тот летает по лесу, а Ю за ним ходит. — Арен приподнял ладонь, которой закрывал дырочку в гнезде, и оттуда зазвенело уже знакомое хихиканье красавицы.

— Эй, ты чего? — одёрнул его Илья. — Сейчас же Ю к нам и придёт.

— Не придёт. Я его этим смехом в ручей завёл. Если никто не поможет, так и будет теперь там мокнуть. — Арен снова накрыл рукой гнездышко, и стало тихо. — Возьми, — он протянул пойманный в плетёный шарик смех Руте.

— Что же мне с ним делать?

— Оставь у себя, — пожал плечами Арен, — или верни хозяйке, если та ещё жива.

Илья вдруг поднялся и, не дав Руте рассмотреть неожиданный подарок, потянул за собой.

— Рассветёт скоро, домой пора.

Когда они подошли к деревне, запели петухи, встало разбуженное солнце. Рута оглянулась на братьев, вместо парней за ней следовали два волка. Вот и всё, не поговорить, не подержать за руку...

Деревенские дворы быстро оживали. Соседи не обращали внимания на Руту, только баба Лина окликнула:

— Что это у тебя? — спросила, указывая скрюченным пальцем на гнездышко.

— А, да ничего, — ответила Рута и, сдавив хрупкие травинки, разломала гнездо.

Интересно, как узнать, кто именно потерял смех в лесу? И как правильно его возвращать? Надо было расспросить волков!

— Ничего так ничего, — загрустила старушка.

Илья выпрыгнул из-за спины Руты, сцапал половинку гнезда и принялся возить пёрышки, веточки и кусочки коры по земле, точно был не волком, а шаловливым щенком.

— Вот ведь какой, — улыбнулась баба Лина. А потом вдруг хлопнула себя ладонью по колену и захохотала. Звонким девичьим смехом, который не постарел за те годы, что гулял по лесу. По морщинистой, загрубевшей от ветра и солнца коже побежали слёзы, и Рута уже не понимала, веселится бабушка или плачет. Когда она, наконец, успокоилась, посмотрела чистыми голубыми глазами, в которых не осталось и следа старческой блёклости: — Ну до чего смешной! А я раньше и не замечала. Хорошие они у тебя, Рута, даром что волки.

Рута напекла сдобных булочек с маком, завернула десяток в льняную тряпицу и выбралась из дома. В поле оглушительно стрекотали кузнечики, и пахло свежим сеном. Устроилась в тёплом стоге и принялась ждать братьев. Но пришёл лишь один — Арен.

— А где Илья потерял? — спросила Рута и сама удивилась робкой радости от того, что останется вдвоём с синеглазым.

Арен не присел возле неё, так и остался стоять напротив.

— Я наедине поговорить хотел.

— Ну вот, а я вам подарки принесла. — Рута протянула булочку Арену. — Тут ещё много, угощайся.

— Ты ведь и не знаешь, что мне пытаешься предложить?

— Я пытаюсь предложить тебе лакомство, — через силу улыбнулась Рута. Вечно он так: ничего плохого не говорит, а обидно становится просто до смерти! — Возьми, синеглазый. Для тебя ведь старалась.

— И для брата. Не могу я взять, Рута. Знала бы ты, как хочу, но ни тебя, ни Илья не буду обманывать.

— Что за ерунда? Ну не ешь ты эту булочку, возьми все и отнеси брату. Только не надо со мной так... С тех пор, как мы в первый раз виделись, ты всё время будто обижен на меня.

Арен понурил голову:

— Рута, не сердись на меня. Я ведь рад, что могу к тебе прикоснуться, слово сказать, только каждый раз, когда ты берёшь брата за руку или со мной ласково говоришь, мне становится совсем невесело.

— Почему? Ты ревнуешь, синеглазый? Но я же люблю вас обоих, каждого по-своему.

— Так ведь не бывает, чтобы равно любить двоих. Да и ты не сможешь вечно с нами гулять по ночам, а днём смотреть на волков. Найдёшь себе другого — мы оба тебя потеряем, а одного из нас выберешь — второго погубишь.

— А если я не хочу никого выбирать, и губить никого не хочу?

— Но ведь ты уже Илья поцеловала, а меня — отказалась. Хочешь или нет, а...

Рута обвила руками шею Арена и поцеловала.

— Молчи, молчи, — зашептала она, касаясь дыханием его губ, — когда говоришь, ты холоднее ночной росы.

Арен прижал её к себе так бережно, будто Рута была тем самым пёрышным гнездышком, готовым рассыпаться от неосторожного прикосновения, и уже сам приник к её губам.

— И что же мне делать с твоим поцелуем? — спросил он тихо.

— Попроси ещё один.

Рута едва могла различить лицо Арена в темноте. Лишь резкие дуги чёрных бровей и отблеск полумесяца в глазах. И пусть вокруг не было ни волшебного леса, ни водопада из лунного света, этот поцелуй показался ей гораздо большим чудом. И Арен. Синеглазый...

— Мало. Только лишь ночей — мало, — заговорил он, глядя Руту по волосам. — Я не взял угощение, потому что мы с братом навсегда связаны. Ещё с того дня, когда один хлеб на двоих разделили. Если кто из нас попробует человеческой еды, сам станет человеком, но второй в тот же миг обратится навечно волком.

— Я не знала.

— Теперь знаешь. Всё ещё хочешь предложить мне своё угощение?

Рута помолчала и медленно покачала головой. Она ничего не хотела сильнее, чем быть с Ареном. Но никогда больше не видеть Илья? Весёлого, милого, по-волчьи преданного... Да и каково ему будет узнать, что брат и Рута всё решили за него, поцеловавшись под звёздами?

— Не хочу, — наконец ответила она.

Арен склонил голову и вновь поднял с таким трудом, будто за мгновение та стала весить не меньше кузнечного молота. Говорить он больше ничего не стал, только легко коснулся губами щеки Руты и проводил домой. Прежде чем попрощаться у калитки, Арен тайком забрал из тусеска одну маковую булочку.

Рута проснулась от маминого прикосновения к плечу. Солнце уже всю светило, обещая полный летнего зноя день.

— Одевайся, дочка, — взволнованно сказала мать. — Там к тебе жених пришёл, свататься.

— Что за шутки?

— Это ты мне скажи, что за шутки. Две ночи гуляешь, а с утра приходит парень и жениться хочет.

Наскоро заплетая косу и затягивая шнурки на рубашке, Рута даже гадать боялась, кто же пришёл к ней свататься. Что родители скажут?

Посреди комнаты, точно яркий костёр, сиял улыбчивый Иль. Увидев Руту, он засветился пуще прежнего. А та только и смогла, что спросить:

— Где Арен?

— Так ведь он всё тебе вчера рассказал. Раз видишь меня днём, то сама знаешь, где, — Иль замялся. — Брат сказал, что ты нас любишь одинаково, а раз так, нечего обоим мучиться. Булочку мне вручил. Теперь я человек и могу к тебе посвататься. Или ты не рада?

Рута смотрела на него, милого, пригожего, ради неё готового на всё на свете, и не радовалась. Не говоря ни слова, она выбежала во двор.

Что же теперь делать? Вот так вот взять да и остаться с Илем, потому что братья сами всё решили? Бежать в лес? Но зачем? Арен теперь волк, всё с той же душой, но волк, с клыками и серой шкурой. Навсегда!

— Как ты мог? — глотая слёзы, прошептала она то ли Илю, то ли Арену.

Взгляд метнулся по двору, как синица, пойманная в клетку, и остановился на ярком сполохе, мелькнувшем у поленницы. Сначала появилась белая голова, а потом вместо неё — полупрозрачная лисица. Она глянула на Руту и растаяла в воздухе. Осталась только горсточка жёлто-оранжевой морошки.

О чём Рута думала, когда положила душистые ягоды в рот? О синих глазах, которых не увидит? О поцелуе, который не повторится? Рута просто хотела быть с ним. Неважно, где. Неважно в каком обличье. Когда она проглотила морошку, захотела громко, во всю мощь лёгких выкрикнуть: «Арен!»

Но вместо этого молодая волчица задрала острую морду к солнечному небу и протяжно завывала, зовя своего единственного, серошкурого, синеглазого.

«Ты о них позаботься», — подумала Рута, переведя взгляд сначала на родителей, а потом на Иля. Больше она в сторону дома не посмотрела. Помчалась к лесу — страшному, волшебному, полному самых настоящих чудес. Из которых ей нужно было только одно.

Остановилась, лишь когда вступила в тень сосен.

Деревья зашумели, выпуская из-за стволов зверя. Сколько он ждал её здесь? С самого рассвета? Или с самого начала времён? Хоть волки и не умеют улыбаться, Рута точно знала, что Арен счастлив.

